

1. Pateikiame po 6 kiekvienos kalbos (anglų k., rusų k., vokiečių k. ir prancūzų k.) trumpuosius tekstus ir po 1 ilgąjį kiekvienos kalbos tekstą. Iš viso 28 tekstai.

2. **Išversti trumpuosius tekstus siūlome iki 2023 m. kovo 15 d.**

Registracija vyks iki 2023 m. sausio 30 d.

3. Moksleivis tekstą gali rinktis su mokytojo (darbo vadovo) pagalba, bet verčia jį **savarankiškai**.

4. Versdami tekstus moksleiviai gali naudotis žodynais. Darbas atliekamas rašant ranka arba kompiuteriu. Rašančių ranka prašytume tai daryti įskaitomai. Primename, jog tekste esantys eilėraščiai taip pat turi būti išversti (pažodinis arba poetinis vertimai).

5. Verčiant pasirinktą tekstą laikas nėra ribojamas.

6. Išverstus tekstus maloniai prašome išsiųsti vienu iš būdų:

a) elektroniniu vertimo lapu, kurio adresas yra <https://www.vkif.lt/darbu-siuntimas> (atsivertę šį puslapį, rasite vertimo vietą ir anketą, kurią reikia užpildyti ir išsiųsti; išsiuntę darbą, gausite patvirtinimą, kad vertimas gautas).

b) jei neturite galimybės naudotis elektroniniu vertimo lapu, išverstus tekstus galite siųsti ir Lietuvos paštu, adresu: **VKIF „Tavo žvilgsnis“, J. Jasinskio g. 16G, LT-01112 Vilnius**. Drauge su tekstais paskutiniame puslapyje pateikiame unifikotą vertimo lapo pavyzdį, kuriame yra anketinė dalis. Nepamirškite jos užpildyti. Tai yra vertimo švarraštis.

7. Vertinant darbus dėmesys bus kreipiamas į kūrybinį vertėjo požiūrį perteikiant mintis gimtąja kalba, kūrinio nuotaikos atitikimą, gramatines ir kalbos klaidas.

8. Pageidaujantys versti iš rusų kalbos moksleiviai, kurių rusų kalba yra gimtoji, į anketinės dalies 5,8 ir 9 klausimus atsako – „gimtoji kalba“.

9. Iliustruotojas neprivalo būti vertėjas. Iliustruotojas gali pasirinkti bet kurį tekstą. Su teksto turiniu, reikalui esant, gali padėti susipažinti mokytojai arba darbo vadovai.

10. Iliustravimo darbai gali būti atlikti įvairiomis technikomis, jie gali būti įvairiausių formatų. Darbus prašome išsiųsti iki 2023 m. kovo 15 d.

11. Iliustracijos originalą būtina siųsti Lietuvos paštu, adresu: **VKIF „Tavo žvilgsnis“, J. Jasinskio g. 16G, LT-01112 Vilnius**. Iliustracijas galite siųsti elektronine forma (jeigu darbas buvo kuriamas kompiuteriu), adresu: <https://www.vkif.lt/darbu-siuntimas>

12. Siunčiant originalą Lietuvos paštu būtina nurodyti autoriaus vardą ir pavardę, amžių, švietimo įstaigos pavadinimą pritrivintame baltame 2,5 x 9 cm formato lapelyje, dešinėje piešinio pusėje. Kitoje (atvirkščioje) pusėje priklijuokite užpildytą anketinę dalį (kaip ir vertėjų), nepamiršdami nurodyti teksto, kurį iliustruojate.

13. **Vertinsime darbus tų mokyklų arba atskirų dalyvių, kurie pateikė elektronines paraiškas su reikiamais duomenimis.**

14. Geriausių darbų autoriams bus įteikti diplomai, kitiems dalyviams – padėkos, o mokytojams – projekto vykdytojo pažymėjimai.

15. Tie projekto dalyviai, kurie norėtų pelnyti ilgojo teksto vertėjo diplomą, **turi išversti siūlomą arba savo pasirinktą didesnės apimties tekstą arba visus šešis ta pačia kalba pateiktus trumpuosius tekstus**. Darbų atlikimo laikas – 2023 m. kovo 15 d. **Pasirinkus versti savo tekstą, būtina atsiųsti ne tik vertimą, bet ir jo originalą.**

16. Geriausių darbų autorių sąrašą pateiksime mokykloms 2023 m. gegužės pabaigoje. Kad sąrašas būtų paskelbtas laiku, prašytume nevėluoti ir laiku pateikti atliktus darbus.

17. Susidarius saugiai aplinkai 2023 m. rudenį, geriausių darbų autorius vėl pakviesime keliauti. Jeigu saugios aplinkos dar nesulaukume, tai pasinaudotume įsteigtu prizų fondu, kuriame gausu stalo ir kompiuterinių žaidimų, knygų, turizmo ir sporto inventoriaus, dovanų su projekto „Tavo Žvilgsnis“ veiklos atributika.

18. Norėdami pasiteirauti, rašykite adresu zvilgsnis@vkif.lt, būtinai nurodydami savo tel. numerį tam, kad susiklosčius neatidėliotinai situacijai, projekto konsultantai galėtų su Jumis susisiekti.

19. Jūsų atliekami VKIF projektų darbai gali tapti Brandos darbo dalimi.

20. Maloniai primename, jog pateikti tekstai svetainėje bus matomi visiems. Kad šių tekstų vertimai ir jų iliustracijos būtų vertinami, reikia atlikti dalyvių registraciją. Ją turi atlikti grupės vadovas(-ė) arba pats dalyvis ar jo tėvai. Paraiška dalyvauti projekte pildoma mūsų svetainėje prisijungus prie savo paskyros per skiltį *Mano VKIF* (pirmą kartą būtina registracija).

Увидел как-то медведь во сне, что удалось ему раздобыть на ужин три больших жирных куска. Проснулся он утром и отправился на поиски этих кусков – вдруг сон сбудется!

Вот заметил медведь вдали козлёнка, направился к нему, а козлёнок видит, что не убежать ему, не растерялся, подошёл к медведю и низко ему поклонился.

- Да знаешь ли ты меня? – спросил его медведь.

- Конечно, - ответил козлёнок. – Все знают столь уважаемого зверя, а я тем более, - ведь я был придворным певцом твоего отца.

- Так спой же и для меня, - попросил медведь.

Козлёнок начал громко бляеть, и пастух услышал. Прибежал он с овчарками, отдубасил медведя дубиной, да ещё собаки покусали его – еле-еле убежал медведь.

Пошёл медведь дальше, а навстречу ему два барана. „Съем- ка я их“, - подумал медведь.

Позвал он баранов, видят те, что бежать невозможно, сговорились и подошли к медведю.

- Мы очень рады, - говорят они, - что станем ужином столь уважаемого зверя. И давай бараны спорить, кого раньше медведь съест. Наконец, один предложил:

- Мы сразимся на рогах. А победителя уважаемый медведь и съест первым.

Выбрали они в судьи медведя, усадили на дорожке, отступили шагов на пятьдесят, разбежались, да как ударят с разбегу медведя под бока! Бедняга упал почти замертво, а когда пришёл в себя, то баранов и след простыл.

Часа два медведь отлёживался под деревом, потом встал и пустился в путь. А навстречу ему верблюд. Медведь подумал: „Это лучше всего: и жирнее, и мяса побольше“.

Закричал он во весь голос:

- Эй, верблюд! Остановись, я видел во сне, что должен съесть тебя.

- Здравствуй, уважаемый медведь, - ответил верблюд.

- А ты откуда меня знаешь? – спросил медведь.

- Кто ж тебя не знает, - отвечал верблюд. – А я в особенности, я ведь гонец твоего отца. Я вот и сейчас несу тебе послание от отца.

- Где же оно?

- Написано у меня на копыте, - ответил верблюд.

Медведь присел, чтобы прочитать послание, а верблюд так лягнул его в грудь, что он отлетел на десять шагов и лишился сознания. Только перед заходом солнца медведь пришёл в себя и понял, что, наверное, его сон надо было толковать иначе.

Жил на свете Художник. Однажды, ещё в детстве, он нарисовал портрет старика. Старика этого он выдумал, но на портрете старик получился совсем как живой. Маленький Художник никак не мог расстаться со своей работой: он всё что-то добавлял, подмалёвывал и так увлёкся, что старику это надоело, он сошёл с портрета и сердито сказал:

- Довольно! Ты меня совсем замучаешь!

Маленький Художник растерялся: ему не приходилось прежде иметь дело со стариками, которые сходят с портретов.

- Кто вы такой? – спросил он. Может быть вы колдун?

- Нет, не то!

- Фокусник?

- Не то!

- Ага, теперь я понимаю, - догадался мальчик. – Вас, вероятно, зовут Нето. Только я, признаться, никогда не слышал такого имени.

- На этот раз ты угадал, - сказал старик. – Меня действительно так зовут. И знаешь почему? Все, кто имеет со мной дело, считают, что я – это совсем не то, что им нужно.

- А какие у вас дела? – спросил мальчик.

- Ну, - важно ответил старик, - работы у меня достаточно. Всё лучшее, что создано на земле человеком, - создано при моём участии. Когда-нибудь ты это поймёшь.

И старик удалился на свой холст. Маленький Художник теперь уже не осмеливался прикасаться к нему. Он спрятал портрет старика и вскоре о нём забыл.

Шли годы. Маленький Художник вырос и стал настоящим Художником. Его искусство признали и полюбили, его картины украшали залы лучших картинных галерей. Многие завидовали Художнику – его славе, его успеху, считали Художника счастливым человеком. А на самом деле это было не так.

Художник был недоволен своими картинами. Они доставляли ему радость лишь тогда, когда он над ними работал. А кончалась работа, – и возникали сомнения. Каждая новая картина казалась ему неудачей.

Однажды, вернувшись домой с очередной выставки своих картин, он долго не мог уснуть. Перебирал в уме картины, и ему было досадно, что люди ими восхищаются.

- Не то, всё не то! – воскликнул в сердцах Художник.

И вдруг перед ним появился старик. Это был тот самый старик, которого Художник нарисовал в детстве.

- Здравствуй, - сказал старик, - ты меня, кажется, звал? Узнаёшь меня? – Вспомни портрет, который ты когда-то нарисовал.

- Не говори мне о моих работах, - попросил Художник. – Ничего у меня не получается, сколько ни бьюсь. И почему только всем нравятся мои картины?

- Как это всем? – возразил старик. – Мне, например, не особенно нравятся.

Очень расстроил Художника этот разговор. Правда, он и раньше критически относился к своим работам, но его утешало то, что он в этих суждениях одинок и, может быть, ошибается. Никогда ещё Художник не работал так напряжённо. Новые картины принесли ему ещё большую славу и окончательно развеяли его сомнения. “Если бы старик теперь увидел эти картины, - думал он, они бы, наверное, ему понравились”. Но старик больше не появлялся.

Прошло ещё много лет. И вот однажды Художник, уже больной и старый, роясь в своих архивах, нашёл портрет старика. “Что это за рисунок? – подумал он. – Я его совсем не помню.”

- Ты опять меня не узнал, - сказал старик, сходя со своего портрета. – Я всё ждал, что ты меня позовёшь, но ты так и не позвал. Ты, видно, вполне доволен своей работой и поэтому забыл про старика Нето, который один может помочь создать что-нибудь выдающееся.

Большинству животных чистота очень важна: но у одних шерсть без усилий остаётся чистой, а другим своей гигиеной приходится заниматься часто и тщательно. Удивитесь, узнав, какие животные больше всего озабочены чистотой.

Можем поспорить, что вы не ожидали в списке чистюль увидеть свинью. Наверное, каждому приходилось слышать – фу, измазался как свинья, - или что-нибудь подобное, подчеркивающее неряшливость человека. Но, оказывается, такое мнение глубоко ошибочно.

Свиньи достаточно умны и чистоплотны. Они на самом деле обожают грязевые ванны (для этого подойдёт большая или даже небольшая лужа). – но купание в грязи для них физиологическая и гигиеническая необходимость. Во-первых, у них нет меха, их кожа покрыта только редкой щетиной. В холодный период высохшая грязь создаёт защитный слой и удерживает тепло как одежда. Во-вторых, у большинства хрюшек кожа светлая, лишена пигмента и достаточно чувствительна к ультрафиолетовым лучам, а слой грязи защищает от ожогов. В-третьих, свиньи не потеют и не могут избавиться от избытка тепла, поэтому в жару очень охотно валяются в грязи, чтобы не перегреться.

На втором месте в вопросах чистоты оказались кошки. Они моются и моются, старательно вылизывая свою шёрстку языком. Большая часть кошек панически боится воды и не любит купаний, поэтому “моется” доступным им способом. Учёные установили, что коты отводят гигиене около 50 (пятидесяти) процентов времени бодрствования. Кстати, это характерно не только домашним питомцам, но и диким, беспризорным котам. Кошки чувствуют себя грязными, как только на их шерсть попадает чужой запах: погладьте свою домашнюю любимицу, и она тут же начнёт мыться. Кошачий язык покрывают твёрдые, ороговевшие иголки эпидермиса, что позволяет “причёсывать” мех как расчёской, улучшая работу волосяных фолликул и жировых желёз, отчего шёрстка блестит.

Самые большие дикие кошки - тигры - не меньше чистюли, чем домашние коты. Все знают, что тигры - кровожадные хищники и питаются своей добычей, расправляясь с мясом, костями, а остатки крови попадают на довольно светлую шерсть. После еды тигры стараются как можно быстрее избавиться от следов пиршества, словно понимают, что остатки крови и мяса притягивают насекомых и могут стать причиной болезни. Эти представители отряда кошачьих любят купаться (даже в холодных горных реках), смывая с шерсти грязь и паразитов, хорошо плавают, тренируя тело и охлаждаясь.

Белые медведи просто должны оставаться белыми. Но в природных условиях для этого нужны определённые усилия. В Арктике именно белый цвет помогает им замаскироваться среди льдов и снега, а от этого зависит успех на охоте и выживание. Белые медведи купаются в ледяной воде и валяются в снегу не потому, что любят играть, а чтобы очистить шерсть, а летом охладиться.

Ошибочно думать, что те, кто живёт в воде, не могут испачкаться. Океаны нашей планеты загрязнены не только пластиком, но и органическими отходами, которые стимулируют рост бактерий и распространение паразитов. Поэтому дельфины, которые не могут согнуться и достать своё тело, и в их среде нет вещей, о которые можно почесаться, придумали своеобразный способ очистить кожу. Недаром эти млекопитающие относятся к самым умным на планете. Дельфины, нырнув, развивают большую скорость, выпрыгивают на поверхность и со всего размаха падают в воду, стараясь удариться сильно, чтобы с кожи отскочили паразиты. Интересно, что самки учат своих малышей делать именно так, и этот навык остаётся на всю жизнь.

Игры в мяч, пожалуй, самые популярные среди спортивных игр и их очень много. Но выделяется именно баскетбол.

Среди множества фактов об этой игре говорится, что это достаточно новая игра. Датой её появления считается 1891 год. Известно и имя изобретателя – Джеймс Нейсмит, преподаватель физкультуры из штата Массачусетс в США.

Но во время археологических раскопок в Мексике, была найдена площадка для игры в мяч 10 века до нашей эры. Длина площадки – 147 метров. Вокруг на высоте 8-8,5 метров располагались массивные трибуны для зрителей. Игра называлась “Пок-Та-Пок”. Установлено, что в неё играли литым каучуковым мячом размером с человеческую голову. Игроки могли находиться только на своей половине поля, не переходя линию, делившую площадку пополам. В стены трибуны, на этой же линии, были вделаны напротив друг друга два больших каменных кольца. Цель игры – забить мяч в кольцо. Бить по мячу можно было локтем либо коленом, а также битой. Побеждала команда, которой удавалось попасть в кольцо (его диаметр был больше мяча на ничтожно малую величину). Во время раскопок был обнаружен барельеф, на котором изображён обезглавленный капитан побеждённой команды.

В 16 веке ацтеки играли в подобную игру, в которой использовались каучуковый мяч и каменное кольцо. Если мяч попадал в кольцо, то в награду игрок получал одежду от зрителей.

Но вернёмся к Джеймсу Нейсмицу и его игре. Летом и весной студенты колледжа охотно занимались спортом на спортивных площадках, играли в футбол и бейсбол. А вот зимой оставались только гимнастические упражнения. Джеймс Нейсмит, пытаясь “оживить” уроки физкультуры, придумал новую игру.

К перилам балкона прикрепил две корзины из-под фруктов и предложил забрасывать туда футбольные мячи. Получившаяся игра лишь отдалённо напоминала современный баскетбол. Ни о каком ведении мяча даже речи не шло, игроки перекидывали мяч друг другу и затем пытались закинуть его в корзину. Побеждала команда, забросившая большее количество мячей.

Через год Нейсмит разработал первые правила игры. Они были совершенно необходимы, ведь порой даже болельщики на балконе вмешивались в ход игры – ловили мяч и забрасывали его в корзину. Появились и корзины, напоминающие современные, и первая разметка поля. Новые правила пересматривали и дополняли после матчей. В 1893 году фруктовая корзина ушла в историю, уступив место привычному кольцу с сеткой. Болельщики продолжали “хулиганить” и вынудили Нейсмита придумать щит, который защищал корзину. Ещё через год были утверждены первые официальные правила игры.

Игра стала популярной среди студентов США, Канады, в начале двадцатого века появилась в странах Азии, Японии, Китае и на Филиппинах. Особую роль в международной популяризации баскетбола сыграли летние Олимпийские игры в Сент-Луисе в 1904 году, где прошёл дружеский показательный турнир среди команд из нескольких городов. Международная федерация баскетбола была создана в Женеве в 1932 году. Её участниками стали восемь стран: Аргентина, Греция, Италия, Латвия, Португалия, Румыния, Швеция, Чехословакия. В 1935 году Международный олимпийский комитет признал баскетбол олимпийским видом спорта, а на олимпиаде 1936 года в Берлине был разыгран первый в истории комплект олимпийских медалей по баскетболу.

В мире существует огромное количество музеев, в которых представлены различные экспонаты: картины, скульптуры, исторические предметы и многое другое. Но есть и необычные музеи, в которых посетители найдут что-то оригинальное и необыкновенное.

Один из таких музеев расположен в Санкт-Петербурге. Это музей живых бабочек. Его посетители попадают в настоящий тропический рай: повсюду порхают красивые бабочки, температура +28 градусов и влажность около 70 процентов, живут некоторые экзотические птицы, растут тропические растения. В музее можно покормить бабочек. В инсектарии, в котором содержатся куколочки ещё не родившихся бабочек, можно рассмотреть чудо их появления на свет, понаблюдать за первым полётом... Экскурсоводы рассказывают о жизни, среде обитания, питании, мифах и легендах, связанных с бабочками.

А в самом центре Стокгольма, в Швеции находится музей танца. Он был открыт в 1953 году в Королевском оперном театре. В экспозиции музея очень много интересных вещей: уникальные костюмы, маски, афиши, книги, посвящённые танцам. В музее можно узнать о развитии танца в мире, о национальных танцах разных стран. Бывают здесь и особенные выставки, где можно увидеть живые выступления и различные мероприятия.

Зима – красивая пора. Вокруг всё белым-бело, и падает снег. Частичкой этой красоты является снежинка. В Японии на острове Хоккайдо расположен музей снежинок – единственный такой в мире. Основатель музея учёный Накая Укитиро. Музей располагается в снежных пещерах, где всегда прохладно. На протяжении долгого времени учёные не могли ни сфотографировать, ни рассмотреть снежинку под микроскопом, а теперь в музее можно увидеть огромное количество фотографий и макетов снежинок, где ни одна снежинка не повторяет другую. Один кубический метр снега содержит 350 миллионов снежинок. Представляете это чудо!

Шоколад так популярен, что во многих городах мира в его честь открыты музеи. И ничего удивительного: ведь история этого лакомства насчитывает более трёх тысяч лет. Большой музей шоколада расположен в Кёльне, в Германии, в здании шоколадной фабрики. На первом этаже – оранжерея с деревьями какао; на втором этаже демонстрируют процесс получения шоколада из собранных плодов, рассказывают о его старинных рецептах, полученных ещё от индейцев. В Бельгии, в городе Брюгге тоже есть шоколадный музей. Он располагается в старинном замке. Здесь собрана уникальная коллекция старинных манускриптов с редкими рецептами, есть залы со скульптурными композициями из популярных сказок, их герои изготовлены, конечно, из шоколадной массы.

Директор каждого музея борется за то, чтобы в его залах были подлинные экспонаты, а вот глава музея лжи в городе Кюриц (Германия) Райнхард Цабка вовсе к этому не стремится. У входа в здание висит его девиз “Не верь глазам своим”. В комнатах музея можно увидеть радио с “Титаника”, летающий ковёр-самолёт, усы Гитлера. Посетителей угощают целебным зельем “вечной молодости” (а на самом деле это чай), “очень вкусным” пластиковым тортом. Все экспонаты, как утверждает его создатель, достались ему от правнучки барона Мюнхгаузена.

Ну как, вы убедились, что музеи могут быть не только скучными, но и очень занимательными.

Когда теперь мои молодые друзья, прочитав “Мастера и Маргариту”, “Белую гвардию”, „Дни Турбиных“, начинают расспрашивать меня, каким был Булгаков в жизни, каким я его запомнил, - я всегда ловлю себя на том, что у меня не получается цельности его внешнего портрета. Портрет рисуется как бы отдельными штрихами, которые кажутся не сведёнными воедино. Начать можно с чего угодно: хотя бы с того, каким крепким, небезразличным, всегда что-то значащим было его рукопожатие. И тогда сразу вспоминается его пристальный, ясный, прямо тебе в глаза проникающий взгляд, подвижность плотной, спортивной фигуры, острый угол всегда чуть приподнятого правого плеча, слегка откинутаая назад светловолосая голова. Но тут же возникают какие-то уточнения: ясный взгляд? – да, но эти серо-голубые глаза были с каким-то стальным оттенком; стремительный, лёгкий? – да, но я видел его иногда и тяжёлым, погасшим, бесконечно усталым, особенно в последние годы.

Однако стоит заговорить о его внутреннем мире, о его нравственной сущности, - тут уже можно обойтись без поправок. Какой был Булгаков человек? На это можно ответить сразу. Бесстрашный – всегда и во всём. Ранимый, но сильный. Доверчивый, но не прощающий никакого обмана, никакого предательства. Воплощённая совесть. Неподкупная честь. Всё остальное в нём, даже и очень значительное, - уже вторично, зависимо от этого главного, привлекавшего к себе как магнит. Что же касается его таланта, таланта его ума и души, а не только художественного мастерства, - об этом разговор должен быть особый, и кратким быть не может. В воспоминаниях его, вероятно, можно разве только коснуться.

Весной 1939 года Михаил Афанасьевич прочитал нам (нескольким друзьям), в четыре приёма, целиком весь свой роман “Мастер и Маргарита”, только что им законченный. В эти вечера он казался мне каким-то особенно подтянутым и собранным, и я не мог не заметить, что он волнуется. Это теперь так понятно. Ведь то небольшое общество из нескольких литераторов, театральных художников, режиссёров и актёров, - было для него в то время единственным кругом его читателей. “Мастера и Маргариту” Михаил Афанасьевич читал у себя в кабинете, сидя не за письменным столом, а где-то сбоку, на тахте, кажется. В этом чтении не было ничего случайного, хотя всё как будто тут же при нас рождалось, а не заранее было написано чернилами на бумаге. Иногда напряжение становилось чрезмерным, его трудно было выдержать. Помню, когда он кончил читать, мы долго молчали. И далеко не сразу дошёл до меня философский и нравственный смысл этого поразительного произведения. Я записал в дневнике: “Фантазия беспредельная, иногда даже страшно, что человеку такое приходит в голову. Композиция сложнейшая, масса разных линий, которые то прерываются, то возникают. Половина действия происходит теперь, другая в древности (Иешуа Га-Ноцри и Понтий Пилат), эта – особенно сильная, могучая. Захватывает так, что в третьем часу не хотелось расходиться. Лёг в четыре и во сне не мог отделаться – опять Булгаков читал всё сначала, как всегда отрывисто, чётко, сухо.”

На последнем чтении я сидел рядом с Михаилом Афанасьевичем, и вдруг он ко мне наклоняется и шёпотом спрашивает: “Ну как, по-вашему, это уже напечатается?” И на моё довольно растерянное: “По-моему, нет,” – совершенно неожиданная бурная реакция и уже громко: “Но почему же?” Он был уверен, что если и не завтра, то рано или поздно, то, что он написал, станет достоянием литературы и широкого круга читателей.

Мартовский туман лежал над Москвой. Смеркалось В жестяных водосточных трубах оттаивал слежавшийся лед. Он с громом срывался на тротуары и раскалывался, оставляя груды синеватого горного хрусталя. Хрусталь трещал под грязными сапогами. Великопостный звон гудел над дровяными складами и тупиками старой Москвы-Москвы восьмидесятых годов прошлого века.

Саврасов сидел у стола, а рядом присел его ученик Левитан - тощий мальчик в заплатанном клетчатом пиджаке и серых коротких брюках - сидел и слушал Саврасова.

- Нет у России своего выразителя, - говорил Саврасов. Была у меня бабушка, тихая старушенция, а когда померла, оставила мне икону Сергия Радонежского, сказала мне напоследок: "Вот, внучек, учись так-то писать, чтобы плакала вся душа от небесной и земной красоты". А на иконе были изображены травы и цветы, что растут по заброшенным дорогам, и озеро, заросшее осинником. Вот какая оказалась хитрая бабка! Я в то время писал акварели на продажу, носил их мелким барышникам. Что писал-совестно припомнить: пышные дворцы с башнями и пруды с розовыми лебедями. Чепуха и срам. С юности и до старинных лет приходилось мне писать совсем не то, к чему лежала душа.

Мальчик застенчиво молчал. Саврасов зажег керосиновую лампу. В комнате соседа защелкала и запела канарейка.

- Сколько я написал видов Петергофа и Ораниенбаума - не сосчитать, не перечислить. Мы, нищие, благоговели перед великолепием. Мечты создателей этих дворцов и садов приводили нас в трепет. Куда нам после этого было заметить и полюбить мокрые наши поля, косые избы, перелески да низенькое небо. Куда нам!

- Работает же во Франции, - сказал он, - замечательный мастер Коро. Смог же он найти прелесть в туманах и серых небесах, в пустынных водах. И какую прелесть! А мы... Слепые мы, что ли, глаз у нас не радуется свету, - сказал он со злобой и встал.

Левитан вышел на улицу, где перемешивался снег с водой. На бульварах хлопья снега цеплялись за голые сучья деревьев. Он нашел в кармане тридцать копеек - подарок товарищей по Училищу живописи и ваяния, изредка собиравших ему на бедность, - и вошел в трактир. Купил порцию колбасы с ситным. Левитан - нищий и голодный мальчик, внук раввина из местечка Кибарты Ковенской губернии - сидел, сгорбившись, за столом в московском трактире и вспоминал картины Коро. Левитан сидел долго, - спешить ему было некуда. Ночевал он в холодных классах училища на Мясницкой, прятался там от сторожа. Единственный родной человек - сестра, жившая по чужим людям, изредка кормила его и штопала старый пиджак. Зачем отец приехал из местечка в Москву, почему в Москве и он и мать так скоро умерли, оставив Левитана с сестрой на улице, - мальчик не понимал. Жить в Москве было трудно, одиноко.

В 1879 году полиция выселила Левитана из Москвы в дачную местность Салтыковку. Вышел царский указ, запрещающий евреям жить в столице. Левитану было в то время восемнадцать лет.

Лето в Салтыковке Левитан вспоминал потом как самое трудное в жизни. Стояла тяжелая жара. Почти каждый день небо обкладывали грозы, ворчал гром, шумел от ветра сухой бурьян под окнами, но не выпадало ни капли дождя.

Особенно томительны были сумерки. На балконе соседней дачи зажигали свет. Ночные бабочки тучами бились о ламповые стекла. На крокетной площадке стучали шары. Гимназисты и девушки дурачились и ссорились, доигрывая партию, а потом, поздним вечером, женский голос пел в саду печальный романс.

То было время, когда стихи Полонского, Майкова и Апухтина были известны лучше, чем простые пушкинские напевы, и Левитан даже не знал, что слова этого романса принадлежали Пушкину. Он просто слушал по вечерам из-за забора пение незнакомки.

Ему хотелось увидеть женщину, певшую так звонко и печально, увидеть девушек, игравших в крокет, и гимназистов, загонявших с победными воплями деревянные шары к самому полотну железной дороги. Ему хотелось пить на балконе чай, трогать ложечкой ломтик лимона, долго ждать, пока стечет с той же ложечки прозрачная нить абрикосового варенья. Ему хотелось хохотать и дурачиться, играть в горелки, петь до полночи и слушать взволнованный шепот гимназистов о писателе Гаршине, написавшем рассказ "Четыре дня", запрещенный цензурой.

Но Левитан был беден, почти нищ. Клетчатый пиджак протерся вконец. Юноша вырос из него. Руки, измазанные масляной краской, торчали из рукавов, как птичьи лапы. Все лето Левитан ходил босиком. Куда было в таком наряде появляться перед веселыми дачниками!

И Левитан скрывался. Он брал лодку, заплывал на ней в тростники на дачном пруду и писал этюды, - в лодке ему никто не мешал. Левитан прятался от дачников, тосковал по ночной певунье. Он совсем забыл о том, что у себя, в Училище живописи и ваяния, Саврасов прочил ему славу Коро, а товарищи - братья Коровины и Николай Чехов - всякий раз затевали над его картинами споры о прелести настоящего русского пейзажа. Будущая слава Коро тонула без остатка в обиде на жизнь, на драные локти и протертые подметки.

Левитан в то лето много писал на воздухе. Так велел Саврасов. Вначале ему было трудно привыкнуть к новому ощущению красок. Он стремился писать так, чтобы на картинах его был ощутим воздух, обнимающий своей прозрачностью каждую травинку, каждый лист и стог сена. Все вокруг казалось погруженным в нечто спокойное, синее и блестящее.

Лето кончилось. Все реже был слышен голос незнакомки. Как-то в сумерки Левитан встретил у калитки своего дома молодую женщину. Ее узкие руки белели из-под черных кружев. Кружевами были оторочены рукава платья. Мягкая туча закрыла небо. Шел редкий дождь. Горько пахли цветы в палисадниках. На железнодорожных стрелах зажгли фонари. Незнакомка стояла у калитки и пыталась раскрыть маленький зонтик, но он не раскрывался. Наконец он раскрылся, и дождь зашуршал по его шелковому верху. Незнакомка медленно пошла к станции. В неверном свете он увидел бледное лицо. Оно показалось ему знакомым и красивым.

Этой же осенью Левитан написал "Осенний день в Сокольниках". Это была первая его картина, где серая и золотая осень, печальная, как тогдашняя русская жизнь, как жизнь самого Левитана, дышала с холста осторожной теплотой и щемила у зрителей сердце.

По дорожке Сокольнического парка, по ворохам опавшей листвы шла молодая женщина в черном - та незнакомка, чей голос Левитан никак не мог забыть. Она была одна среди осенней рощи, и это одиночество окружало ее ощущением грусти и задумчивости. „Осенний день в Сокольниках" - единственный пейзаж Левитана, где присутствует человек, и то его написал Николай Чехов. После этого люди ни разу не появлялись на его полотнах. Их заменили леса и поля, туманные разливы и деревенские избы.

Годы учения в Училище живописи и ваяния окончились. Левитан написал последнюю, дипломную работу - облачный день, поле, копны сжатого хлеба. Саврасов мельком взглянул на картину и написал мелом на изнанке: "Большая серебряная медаль".

Преподаватели училища побаивались Саврасова: он вел себя с учениками, как с равными, ниспровергал все, кричал о бесталанности большинства признанных художников и требовал на холстах воздуха, простора. Неприязнь к Саврасову преподаватели переносили на его любимого ученика - Левитана. Картина была признана недостойной медали. Левитан не получил звания художника, ему дали диплом учителя чистописания. С этим жалким дипломом вышел в жизнь один из тончайших художников своего времени, будущий друг Чехова, первый и еще робкий певец русской природы.

Мечты о беззаботной жизни, наконец, сбылись. Левитан сдружился с художником Николаем Чеховым, подружился с чеховской семьей и прожил три лета рядом с нею. В то время Чеховы проводили каждое лето в селе Бабкине. Семья Чеховых была талантливой, шумной и насмешливой. Дурачествам не было конца. Каждый пустяк, даже ловля карасей или прогулка в лес по грибы, разрастался в веселое событие. С утра за чайным столом уже начинались невероятные рассказы, выдумки, хохот. Он не затихал до позднего вечера. Каждая забавная человеческая черта или смешное слово подхватывались всеми и служили толчком для шуток и мистификаций.

Больше всех доставалось Левитану. Его постоянно обвиняли во всяческих смехотворных преступлениях. Особенно ему попадало за его красивое арабское лицо. Но имя Левитана стало выразителем не только красоты, но и особой прелести русского пейзажа. Чехов придумал слово "левитанистый" и употреблял его очень метко. „Природа здесь гораздо левитанистее, чем у вас”, - писал он в одном из писем. Вначале это казалось шуткой, но со временем стало ясно, что в этом веселом слове заключен точный смысл - оно выражало собою то особое обаяние пейзажа средней России, которое из всех тогдашних художников умел передавать на полотне один Левитан.

Иногда на рассвете Левитан уходил с Антоном Павловичем удить рыбу на Истру. Для рыбной ловли выбирали обрывистые берега, заросшие кустарником, тихие омуты, где цвели кувшинки и в теплой воде стаями ходили красноперки. Левитан шепотом читал стихи Тютчева. Чехов делал страшные глаза и ругался тоже шепотом, - у него клевало, а стихи пугали осторожную рыбу.

То, о чем Левитан мечтал еще в Салтыковке, случилось, - игры в горелки, сумерки, когда над зарослями деревенского сада висит тонкий месяц, яростные споры за вечерним чаем, улыбки и смущение молодых женщин, их ласковые слова, милые ссоры, дрожание звезд над рощами, крики птиц, скрип телег в ночных полях, близость талантливых друзей, близость заслуженной славы, ощущение легкости в теле и сердце.

Несмотря на жизнь, полную летней прелести, Левитан много работал. Стены его мастерской - бывшего курятника - были сверху донизу завешаны этюдами. В них на первый взгляд не было ничего нового - те же знакомые всем извилистые дороги, что теряются за косогорами, перелески, дали, светлый месяц над околицами деревень, тропки, протоптанные лаптями среди полей, облака и ленивые реки.

Знакомый мир возникал на холстах, но было в нем что-то свое, не передаваемое скупыми человеческими словами. Картины Левитана вызывали такую же боль, как воспоминания о страшно далеком, но всегда заманчивом детстве. Левитан был художником печального пейзажа. Пейзаж печален всегда, когда печален человек.

Левитан часто бывал безрадостен, а иногда его и вовсе овладевала хандра. Она усиливалась от недовольства своими работами, от сознания, что рука не в силах передать в красках то, что давно уже создало его свободное воображение. Когда приходила хандра, Левитан бежал от людей, уходил с собакой Вестой на охоту, но не охотился, а без цели бродил по лесам. В такие дни одна только природа заменяла ему родного человека, -она утешала, проводила ветром по лбу, как материнской рукой.

Хандра проходила, Левитан возвращался к людям, снова писал, любил, верил, запутывался в сложности человеческих отношений, пока его не настигал новый удар хандры.

Все написанное казалось беспомощным. За красками, наложенными на полотно, Левитан видел другие - более чистые и густые. Из этих красок, он хотел создать пейзаж России - прозрачный, как сентябрьский воздух, праздничный, как роща во время листопада.

Но душевная угрюмость держала его за руки во время работы. Левитан долго не мог, не умел писать светло и прозрачно. Тусклый свет лежал на холстах, краски хмурились. Он никак не мог заставить их улыбаться.

В 1886 году Левитан впервые уехал из Москвы на юг, в Крым. В Москве он всю зиму писал декорации для оперного театра, и эта работа не прошла для него бесследно. Он начал смелее обращаться с красками. Мазок стал свободнее. Появились первые

признаки еще одной черты, присущей подлинному мастеру, - признаки дерзости в обращении с материалами. Свойство это необходимо всем, кто работает над воплощением своих мыслей и образов. Писателю необходима смелость в обращении со словами и запасом своих наблюдений, скульптору - с глиной и мрамором, художнику - с красками и линиями.

Самое ценное, что Левитан узнал на юге, - это чистые краски. На юге Левитан ощутил с полной ясностью, что только солнце властвует над красками. Величайшая живописная сила заключена в солнечном свете, и вся серость русской природы хороша лишь потому, что является тем же солнечным светом, но приглушенным, прошедшим через слои влажного воздуха и тонкую пелену облаков. Солнце и черный свет несовместимы. Черный цвет - это не краска, это труп краски. Левитан признавал это и после поездки в Крым решил изгнать со своих холстов темные тона. Правда, это не всегда ему удавалось. Так началась длившаяся много лет борьба за свет.

В это время во Франции Ван-Гог работал над передачей на полотне солнечного огня, превращавшего в багровое золото виноградники Арля. Примерно в то же время Монэ изучал солнечный свет на стенах Реймского собора. Его поражало, что световая дымка придавала громаде собора невесомость. Казалось, что собор выстроен не из камня, а из разнообразно и бледно окрашенных воздушных масс. Надо было подойти к нему вплотную и провести рукой по камню, чтобы вернуться к действительности. Левитан работал еще робко. Французы же работали смело, упорно. Им помогало чувство личной свободы, культурные традиции, умная товарищеская среда. Левитан был лишен этого. Он не знал чувства личной свободы. Он только мог мечтать о ней, но мечтать бессильно, с раздражением на тупость и тоску тогдашнего российского быта. Не было и умной товарищеской среды. Со времени поездки на юг к обычной хандре Левитана присоединилось еще постоянное воспоминание о сухих и четких красках, о солнце, превращавшем в праздник каждый незначительный день человеческой жизни.

В Москве солнца не было. Левитан жил в меблированных комнатах "Англия" на Тверской. Город за ночь так густо заволакивало холодным туманом, что за короткий зимний день он не успевал поредеть. В номере горела керосиновая лампа. Желтый свет смешивался с темнотой промозглого дня и покрывал грязными пятнами лица людей и начатые холсты.

Снова, но уже ненадолго, вернулась нужда. Хозяйке за комнату приходилось платить не деньгами, а этюдами. Тяжелый стыд охватывал Левитана, когда хозяйка надевала пенсне и рассматривала "картинки", чтобы выбрать самую ходкую. Поразительнее всего было то, что ворчание хозяйки совпадало со статьями газетных критиков.

- Мосье Левитан, - говорила хозяйка, - почему вы не нарисуете на этом лугу породистую корову, а здесь под липой не посадите парочку влюбленных? Это было бы приятно для глаза.

Критики писали примерно то же. Они требовали, чтобы Левитан оживил пейзаж стадами гусей, лошадьми, фигурами пастухов и женщин. Критики требовали гусей, Левитан же думал о великолепном солнце, которое рано или поздно должно было затопить его полотна и придать каждой березе весомость и блеск драгоценного металла.

После Крыма в жизнь Левитана надолго и крепко вошла Волга.

Первая поездка на Волгу была неудачна. Моросили дожди, волжская вода помутнела. Ветер гнал по ней короткие скучные волны. От надоедливости дождя слезились окна избы в деревне на берегу Волги, где поселился Левитан, туманились дали, все вокруг съела серая краска. Левитан страдал от холода, от скользкой глины волжских берегов, от невозможности писать на воздухе.

Началась бессонница. Старуха хозяйка храпела за перегородкой, и Левитан завидовал ей и писал об этой зависти Чехову. Дождь, барабанил по крыше, и каждые полчаса Левитан зажигал спичку и смотрел на часы. Рассвет затерялся в непроглядных ночных пустошах, где хозяйничал неприветливый ветер. Рассвет не приносил

облегчения. Тучи, бестолково теснясь, неслись с северо-запада, волоча по земле водянистые подолы дождей. Ветер свистел в кривых окнах, и от него краснели руки. Тараканы разбегались из ящика с красками.

Левитан приходил в отчаяние от несоответствия между тем, что он ожидал, и тем, что он видел в действительности. Он хотел солнца, -солнце не показывалось; Левитан слеп от бешенства и первое время даже не замечал прекрасных оттенков серого и сизого цвета, свойственных ненастью.

Но в конце концов художник победил свои настроения. Левитан увидел прелесть дождей и создал свои знаменитые "дождливые работы": "После дождя" и "Над вечным покоем". Картину "После дождя" Левитан написал за четыре часа. Тучи и оловянный цвет волжской воды создали мягкое освещение. Оно могло исчезнуть каждую минуту. Левитан торопился.

Картины Левитана требуют медленного рассматривания. Они не ошеломляют глаз. Они скромны и точны, подобно чеховским рассказам, но чем дольше вглядываешься в них, тем все милее становится тишина провинциальных посадов, знакомых рек и проселков.

В картине "После дождя" заключена вся прелесть дождливых сумерек в приволжском городке. Блестят лужи. Облака уходят за Волгу, как низкий дым. Пар из паровозных труб ложится на воду. Баржи у берега почернели от сырости. В такие летние сумерки хорошо войти в низкие комнаты с только что вымытыми полами, где уже горят лампы и за открытыми окнами шумят редкие капли, и свежо пахнет заброшенный сад. Хорошо слушать игру на старом рояле. Его ослабевшие струны звенят, как гитара. Темный фикус стоит в кадке рядом с роялем. Гимназистка сидит в кресле, поджав ноги, и читает Тургенева. Старый кот бродит по комнатам, и ухо у него нервно вздрагивает, - он слушает, не застучат ли в кухне ножи. С улицы пахнет влагой. Завтра - ярмарка, и на Соборную площадь съезжаются телеги. Пароход уходит вниз по реке, догоняет дождевую тучу, закрывавшую полнеба. Гимназистка глядит вслед пароходу, и глаза ее делаются туманными, большими. Пароход идет к другим городам, где театры, книги, заманчивые встречи. Вокруг городка день и ночь мокнут растрепанные ржаные поля.

В картине "Над вечным покоем" поэзия ненастного дня выражена с еще большей силой. Картина была написана на берегу озера Удомли в Тверской губернии. С косогора, где темные березы гнутся под порывистым ветром и стоит среди этих берез сгнившая бревенчатая церковь, открывается даль реки, потемневшие от ненастья луга, громадное облачное небо. Тяжелые тучи, налитые холодной влагой, висят над землей. Косые холстины дождя закрывают просторы. Никто из художников до Левитана не передавал с такой печальной силой неизмеримые дали русского ненастья. Оно так спокойно и торжественно, что ощущается как величие.

Вторая поездка на Волгу была удачнее первой. Левитан уехал в Рязань, а оттуда спустился на пароходе вниз по Оке до слободы Чулково. В слободе он решил остановиться. Солнце садилось в полях за глинистым косогором. Мальчишки гоняли красных от заката голубей. На луговом берегу горели костры, в болотах угрюмо гудели выи. В Чулково было соединено все, чем славилась Ока, - вся прелесть этой реки. Несколькими днями позже Левитан спустился по Оке до Нижнего и там пересел на пароход до Рыбинска. Все дни он просиживал на палубе и смотрел на берега - искал места для этюдов.

Но хороших мест не было, Левитан все чаще хмурился и жаловался на усталость. Берега наплывали медленно, однообразно, не радуя глаз ни живописными селами, ни задумчивыми и плавными поворотами.

Наконец в Плесе Левитан увидел с палубы старинную маленькую церковь, рубленную из сосновых кряжей. Она чернела на зеленом небе, и первая звезда горела над ней, переливаясь и блистая. В этой церкви, в тишине вечера, в певучих голосах баб, продававших на пристани молоко, Левитану почудилось столько покоя, что он тут же решил остаться в Плесе.

С этого времени начался светлый промежуток в его жизни. Маленький городок был беззвучен и безлюден. Тишину нарушали только колокольный звон и мычание стада, а по ночам - колотушки сторожей. По уличным косогорам и оврагам цвел репейник и росла лебеда. В домах за кисейными занавесками сушился на подоконниках липовый цвет.

Дни стояли солнечные, устойчивые, сухие. Русское лето, чем ближе к осени, тем больше бывает окрашено в спелые цвета. Уже в августе розовеет листва яблоневых садов, сединой блестят поля, и вечерами над Волгой стоят облака, покрытые жарким румянцем.

Каждый день приносил трогательные неожиданности - то подслеповатая старуха, приняв Левитана за нищего, положит ему на ящик с красками стертый пятак, то дети, подталкивая друг друга в спину, попросят, чтобы их нарисовать, потом прыснут от смеха и разбегутся.

В эту вторую поездку на Волгу Левитан написал много полотен. Об этих вещах Чехов сказал ему: "На твоих картинах уже есть улыбка".

Свет и блеск впервые появились у Левитана в его "волжских" работах - в "Золотом Плесе", "Свежем ветре", "Вечернем звоне". Почти у каждого из нас остались в памяти еще с детства лесные поляны, засыпанные листвой, пышные и печальные уголки родины, что сияют под нежарким солнцем в синеве, в тишине безветренных вод, в криках кочующих птиц.

В зрелом возрасте эти воспоминания возникают с поразительной силой по самому ничтожному поводу, - хотя бы от мимолетного пейзажа, мелькнувшего за окнами вагона, - и вызывают непонятное нам самим чувство волнения и счастья, желание бросить все - города, заботы, привычный круг людей, - и уйти в эту глушь, на берега неизвестных озер, на лесные дороги, где каждый звук слышен так ясно и долго, как на горных вершинах, - будь то гудок паровоза или свист птицы, перепархивающей в кустах рябины. Такое чувство давно виденных милых мест остается от "волжских" и "осенних" картин Левитана.

Жизнь Левитана была бедна событиями. Он мало путешествовал. Он любил только среднюю Россию. Поездки в другие места он считал напрасной тратой времени. Такой показалась ему и поездка за границу. Он был в Финляндии, Франции, Швейцарии и Италии.

Граниты Финляндии, ее черная речная вода, студенистое небо и мрачное море нагоняли тоску. "Вновь я захандрил без меры и границ, - писал Левитан Чехову из Финляндии. - Здесь нет природы".

В Швейцарии его поразили Альпы, но вид этих гор ничем не отличался для Левитана от видов картонных макетов, размалеванных крикливыми красками.

В Италии ему понравилась только Венеция, где воздух полон серебристых оттенков, рожденных тусклыми лагунами.

В Париже Левитан увидел картины Моне, но не запомнил их. Только перед смертью он оценил живопись импрессионистов, понял, что он отчасти был их русским предшественником, - и впервые с признанием упомянул их имена.

Последние годы жизни Левитан проводил много времени около Вышнего-Волочка на берегах озера Удомли. Чем ближе к старости, тем чаще мысль Левитана останавливалась на осени. Правда, Левитан написал несколько превосходных весенних вещей, но это почти всегда была весна, похожая на осень.

Самые мягкие и трогательные стихи, книги и картины написаны русскими поэтами, писателями и художниками об осени. Левитан, так же как Пушкин и Тютчев и многие другие, ждал осени, как самого дорогого и мимолетного времени года.

Осень снимала с лесов, с полей, со всей природы густые цвета, смывала дождями зелень. Рожи делались сквозными. Темные краски лета сменялись робким золотом, пурпуром и серебром. Изменялся не только цвет земли, но и самый воздух. Он был чище, холоднее, и дали были гораздо глубже, чем летом. Так у великих мастеров литературы и

живописи юношеская пышность красок и нарядность языка сменяется в зрелом возрасте строгостью и благородством.

Осень на картинах Левитана очень разнообразна. Невозможно перечислить все осенние дни, нанесенные им на полотно. Левитан оставил около ста "осенних" картин, не считая этюдов. На них были изображены знакомые с детства вещи: стога сена, почернелые от сырости; маленькие реки, кружащие в медленных водоворотах палуую листву; одинокие золотые березы, еще не обитые ветром; небо, похожее на тонкий лед; косматые дожди над лесными порубками. Но во всех этих пейзажах, что бы они ни изображали, лучше всего передана печаль прощальных дней, сыплющихся листьев, загнивающих трав, тихого гудения пчел перед холодами и предзимнего солнца, едва заметно прогревающего землю.

Исподволь, из года в год, у Левитана развивалась тяжелая сердечная болезнь, но ни он, ни близкие ему люди не знали о ней, пока она не дала первой бурной вспышки. Левитан не лечился. Он боялся идти к врачам, боялся услышать смертный приговор. Врачи, конечно, запретили бы Левитану общаться с природой, а это для него было равносильно смерти.

Левитан тосковал еще больше, чем в молодые годы. Все чаще он уходил в леса, - жил он в лето перед смертью около Звенигорода, - и там его находили плачущим и растерянным. Он знал, что ничто - ни врачи, ни спокойная жизнь, ни исступленно любимая им природа не могли отдалить приближавшийся конец.

Зимой 1899 года врачи послали Левитана в Ялту. В то время в Ялте жил Чехов. Старые друзья встретились постаревшими, отчужденными. Левитан ходил, тяжело опираясь на палку, задышался, всем говорил о близкой смерти. Он боялся ее и не скрывал этого. Сердце болело почти непрерывно.

Чехов тосковал по Москве, по северу. Несмотря на то, что море, по его собственным словам, было "большое", оно суживало мир. Кроме моря и зимней тихой Ялты, казалось, ничего не оставалось в жизни. Где-то очень далеко за Харьковом, за Курском и Орлом лежал снег, огни деревень мигали сослепу в седую метель; она казалась милой и близкой сердцу, гораздо ближе кипарисов и сладкого приморского воздуха. От этого воздуха часто болела голова. Милым казалось все: и леса, и речушки, и стога сена в пустынных вечерних полях, одинокие, освещенные мутной луной, как будто навсегда позабытые человеком.

Больной Левитан попросил у Чехова кусок картона и за полчаса набросал на нем масляными красками вечернее поле со стогами сена. Этот этюд Чехов вставил в камин около письменного стола и часто смотрел на него во время работы. Зима в Ялте была сухая, солнечная, с моря дули тепловатые ветры. Левитан вспомнил свою первую поездку в Крым, и ему захотелось в горы. Его преследовало воспоминание об этой поездке, когда с вершины Ай-Петри он увидел у своих ног пустынное облачное небо. Над головой висело солнце, - здесь оно казалось гораздо ближе к земле, и желтоватый его свет бросал точные тени. Облачное небо дымилось внизу в пропастях и медленно подползало к ногам Левитана, закрывая сосновые леса.

Левитану хотелось в горы, он просил отвезти его на Ай-Петри, но ему в этом отказали - разреженный горный воздух мог оказаться для него смертельным.

Ялта не помогла. Левитан вернулся в Москву. Он почти не выходил из своего дома в Трехсвятительском переулке. Двадцать второго июля 1900 года он умер. Были поздние сумерки, когда первая звезда появляется над Москвой на страшной высоте и листва деревьев погружена в желтую пыль и в отсветы гаснущего солнца.

Лето было очень поздним. В июле еще доцветала сирень. Ее тяжелые заросли заполняли весь палисадник около дома. Запах листвы, сирени и масляных красок стоял в мастерской, где умирал Левитан, запах, преследовавший всю жизнь художника, передавшего на полотне печаль русской природы, - той природы, что так же, как и человек, казалось, ждала иных, радостных дней.

VERTIMŲ IR ILIUSTRACIJŲ PROJEKTAS TAVO ŽVILGSNIS 2023

1. Švietimo įstaigos pavadinimas	
2. Moksleivio (-ės) vardas, pavardė (spausdintinėmis raidėmis)	
3. Mokytojo (darbo vadovo) vardas, pavardė	
4. Verčiamo/ilustruojamo teksto pavadinimas (lietuvių kalba)	
5. Užsienio kalba, iš kurios verčiama/ilustruojama	
6. Moksleivio klasė/kursas	
7. Moksleivio amžius	
8. Tai Jūsų pirmoji ar antroji užsienio kalba? (pildo tik vertėjai)	
9. Užsienio kalbos mokymosi metai (pildo tik vertėjai)	